

Живое прошлое

УЧЁНЫЙ И ГОСУДАРСТВО: К ТИПОЛОГИИ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ ГУМАНИТАРИЕВ В НЕСВОБОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.А. Мининков

Южный федеральный университет

Аннотация: *Тема отношений учёного с политическим режимом за последнее время привлекает значительное внимание исследователей истории науки, и особенно гуманитарных научных дисциплин. В статье содержится анализ моделей поведения в условиях советского режима двух известных советских историков, Д.Н. Альшица и А.М. Некрича. При всех особенностях своего поведения в отношении власти оба историка отстаивали свои научные положения и своё право на критику советской системы. Избранные ими модели поведения представляют собой варианты сопротивления интеллектуала-гуманитария политическому давлению и научному диктату со стороны авторитарной власти.*

Ключевые слова: *наука и власть, политический режим, политика в области науки.*

Ситуация в гуманитарном научном познании советского времени и восприятие гуманитарных наук обществом

События, которые мы наблюдаем и переживаем за последние годы, наталкивают на мысль о нарастании трудностей, которые встречаются на пути исследования актуальной общественно-гуманитарной проблематики. В частности, в исторических науках это касается некоторых вопросов советского прошлого, прежде всего военного, с ярко выраженной тенденцией к идеализации действий государственного руководства в период этих событий. В несколько меньшей степени, но также заметно стремление к воздействию сверху при исследовании такой проблематики, как история революционного движения в России, а отчасти и массовых народных движений. Конечно же, это касается таких тем как разные вопросы формирования территориального пространства Российской империи, присоединения к ней отдельных народов и территорий.

Косвенным признаком такой ситуации стало появление темы большой конференции, сформулированной ИВИ РАН и касающейся причин и характера замалчивания некоторых сторон прошлого, причём в масштабах не только отечественной но и всеобщей истории. Такая тема появилась не случайно. Профессиональное сообщество историков, как и гуманитарных исследователей в целом, все больше и больше ощущает расхождение между интересами

общества, которое выдвигает свои вопросы к науке на основе исторической памяти ряда поколений, и неспособностью (или невозможностью) для науки дать ответы на них. Естественно, что научное сообщество историков (и не только историков) недовольно такой ситуацией. Многие, во всяком случае, хорошо помнят, как на излёте советского строя, когда стал вопрос о т. н. «белых пятнах», среди значительной части общества такое недовольство очень заметно проявлялось. Но тогда же было заметно падение авторитета исторической науки и гуманитарных наук вообще как следствие этого недовольства. Значительная часть общества не желала учитывать положение, в которое социально-гуманитарное научное знание было поставлено, не замечала, что эти науки и в советское время имели свои заметные достижения. Она видела в этих науках, особенно в исторической, лишь разновидность официальной идеологии.

Конечно же, вновь на протяжении менее чем полувека историкам и обществоведам вообще в такой ситуации оказаться не хочется. Следует поэтому, как представляется, иметь в виду, что не только люди зависят от ситуации. Ситуация также зависит от поведения людей. Отпечаток своей личности человек с неизбежностью накладывает на культуру своего времени, выбирая модель поведения в неблагоприятной культурно-исторической ситуации в соответствии с особенностями своей личности и культуры. Таких моделей было много, по существу, они находились в зависимости от субъективных качеств личности учёного, и поэтому они глубоко индивидуальны. Но, тем не менее, они подлежат определённой группировке по принципу близости в позициях разных конкретных учёных, или их различия. Такие особенности в позиции немецких историков первой половины прошлого века, занимавшихся германским средневековьем и славяно-германскими отношениями того времени, наглядно показал ростовский историк В.С. Савчук, ушедший от нас в прошлом году. В своей книге «Память историка и судьбы интеллектуалов» он проследил, что в период нацизма часть этих историков в той или иной мере сотрудничали с режимом, продвигая идеи германской особой культурной роли на остальбском пространстве, и тому подобные идеи. При этом, как писал В.С. Савчук, известные медиевисты Т. Майер и В. Шлезингер вступили в нацистскую партию [Савчук 2020: 133–135, 182] наподобие философа М. Хайдеггера. Тем не менее, уже после войны, объясняя свою позицию в то время, некоторые из них говорили, что: «такое было время», видя в этих словах хотя бы слабое объяснение случившемуся.

Но о том, что «такое было время», говорили не только немцы, но и наши интеллектуалы. При этом прослеживаются разные модели поведения советских историков. Так, известно, что выдающийся исследователь русского средневековья С.Б. Веселовский отказался включаться в послевоенную кампанию прославления Ивана Грозного, которая велась по существу при негласном руководстве Сталина. Велась достаточно активно. Она охватывала разные события этого периода. Так, в журнале «Вопросы истории» выступил в 1947 г. историк Г. Красинский, который утверждал, что завоевание Сибири казаками Ермака было осуществлением дальновидного плана царя [Красинский 1947: 80–99]. Конечно, культ средневекового тирана был необходим как историческая опора культа тирана советского. Можно привести ещё немало примеров, как историки так или иначе вписывались в разного рода идеологические кампании этого времени. Или же умели не вписываться в них.

***Две модели поведения советских историков:
казус Д.Н. Альшица и казус А.М. Некрича: общее и особенное***

За период от конца сороковых примерно до середины семидесятых годов прослеживаются в истории советской исторической науки, советской общественной и культурной жизни две модели поведения историков. Носителями их были историки Александр Моисеевич

Некрич и Даниил Натанович Альшиц. Датировка может быть обоснована тем, что конец 40-х годов – защита кандидатской диссертации Альшица, рубеж 40-х – 50-х годов – его арест. Середина же 70-х годов – отъезд в эмиграцию, в Англию, Некрича. Оба историка окончили исторические факультеты столичных вузов – МГУ – Некрич, и ЛГУ – Альшиц. Оба были участниками Великой Отечественной войны. Оба стали докторами исторических наук, правда, Альшиц несколько позднее, в 1983 г. Наконец, самое главное для характеристики их моделей поведения. Оба решительно отвергали сталинский террор, самым резким образом характеризовали Сталина и разные явления советской действительности того времени. Оба вступали в партии на фронте и исключались из неё. Оба, наконец, были авторами воспоминаний.

Наличие общего не исключает между двумя историками значительных различий. Это – различия прежде всего по научной линии. Так, Альшиц был специалистом по позднему русскому средневековью, сформулировал интересные выводы из изучения источников и создал оригинальную концепцию, относящуюся к царствованию Ивана IV и к опричнине. Некрич был историком новейшего времени, темой его была история внешней политики Англии. Но книгой, за которую начались гонения на его, было его исследование о начале войны, «1941. 22 июня», первое издание которой было в 1965 г. В ней был анализ причин неудач Красной Армии в начале войны. Уже в эмиграции он издал книгу «Наказанные народы» о депортациях народов в период Великой Отечественной войны, и, самую известную свою книгу, совместно с М.Я. Геллером, «Утопия у власти». Труды Альшица и Некрича были написаны живо и интересно не только для специалиста, но и для более широкого круга читателей. И все они при этом встречали весьма различное отношение.

Альшиц в большей степени тяготел к художественной литературе, и у него есть произведения в форме прозы, драматургии и поэзии. При этом, можно сказать, что славу и известность Альшицу принесла комедия «Опаснее врага», посвящённую фантастической истории в советском НИИ начала 60-х годов, когда дирекция посчитала, что в стране развёрнута очередная кампания, на этот раз – по борьбе с дураками. Комедия была написана совместно с Л.Л. Раковым, директором музея обороны Ленинграда, подвергавшимся, как и Альшиц, репрессиям. Как признавал сам Раков, Альшицу в создании комедии принадлежала главная творческая роль. Премьера состоялась в Театре комедии в Ленинграде, ставил её режиссёр Н.П. Акимов. Публика встретила комедию с огромным интересом, а Альшиц вызывался в Отдел науки и культуры ЦК КПСС к заведующему Д.А. Поликарпову. В ответ на упрёки за преувеличение недостатков и за наличие тенденции к развенчанию советской действительности Альшиц разъяснял, что жанр комедии предполагает гиперболу того, что в ней высмеивается [Аль 2007: 309, 310]. По существу, советская бюрократия, в образах бюрократов на уровне НИИ, выступила объектом сатиры. Так Альшиц давал анализ советской бюрократии в литературной форме комического жанра, или анализ социальной среды, который в научной форме давал примерно в то же время М. Джилас [Джилас 1961], а позже М.С. Восленский [Восленский 1991] и В.П. Макаренко [Макаренко 2019]. Кроме того, в судьбе Альшица заметны определённые повороты. Так, после демобилизации в 1945 г. и поступления в аспирантуру при Государственной публичной библиотеке он провёл глубокое исследование приписок к Царственной книге Лицевого летописного свода и сделал вывод, что эти приписки принадлежат перу самого Ивана Грозного. На защите 1947 г. оппоненты подчеркнули глубину исследования, но вывод о том, что писал царь, остался на уровне гипотезы, поскольку образца почерка Грозного мы не имеем. И при этом, в обстановке набиравших силу идеологических кампаний, он, по выражению одного из авторов посвящённой ему статьи, «лез на рожон». Например, написал сатирическое стихотворение об академике Лысенко, которое ходило по рукам и было, конечно же, известно органам. Возможно, что даже содержание диссер-

тации способствовало обвинению, поскольку вывод о поправках Грозного могли принять за пародию на работу Сталина над «Кратким курсом истории ВКП(б)». Но следственное дело 1950 г. пока недоступно, в своих же воспоминаниях «Хорошо посидели» он об этом не говорил. Осуждённый на 10 лет (отбывал в Каргопольлаге на юге Архангельской области), Альшиц был освобождён в начале 1955 г., со снятием обвинения ввиду его абсурдности, и полностью реабилитирован.

Освобождение позволило ему вернуться к месту работы в Отдел рукописей ГПБ в Ленинграде. Конечно, критику Сталина он воспринял самым положительным образом, что нашло отражение не только в комедии «Опаснее врага», но и в тексте 1959 г., подготовленному к празднованию 25-летия истфака ЛГУ и поставленному на университетской сцене. По своему мировоззрению Альшиц явно примыкал к шестидесятникам, решительно отвергавшим сталинский режим, но верившим, что восстановление «ленинских норм партийной и государственной жизни» (типичная формулировка того времени) приведёт к построению гуманного в своей основе социалистического общества. Несомненно, что неприятие любого самовластия, любой системы с неограниченной властью одного лица вызвала к жизни его концепцию опричнины. В ней он видел учреждение, призванное окончательно укрепить самодержавие. Отсюда его положение о том, что в 1572 г. опричнина на самом деле вовсе не была отменена, и ее заменил двор. Документальное подтверждение видел он в списке 1573 г., который он издал и назвал списком опричников и в котором устанавливались служебные должности и оклады за службу [Альшиц 1949: 3–71]. Вопрос об опричнине после 1572 г. стал предметом дискуссий. Выдающийся исследователь этого периода Р.Г. Скрынников, хорошо знавший и ценивший Альшица, ставил это положение под сомнение. В целом хрестоматийная дата отмены опричнины в 1572 г. историками по-прежнему принимается. Но, тем не менее, основной вывод его о роли опричнины как средства укрепления неограниченной царской власти в науке в целом принят.

Особое значение для культурно-политической ситуации наших дней имеет замечание Альшица о патриотизме. Как участник обороны Ленинграда, он проявлял огромный интерес к истории этого события, и патриотизм был для него не пустой звук и не идеологическое клише. Он поэтому тяжело переживал, как в новейшей России стирался смысл этого понятия, видел стремление властей использовать его в своих утилитарных целях, с внедрением в массовое сознание такого смысла, о котором писал М.Е. Салтыков-Щедрин: «наилучшее выражение патриотизма заключается в беспрекословном исполнении начальственных предписаний» [Салтыков-Щедрин 1969: 161]. А великого сатирика Альшиц, сам склонный к сатире, ценил очень высоко. Это прямо касается нынешних организаторов патриотического воспитания, с мероприятиями по существу пустыми, на «показуху». Причём бесполезными, поскольку молодёжь, для формирования сознания которой все это проводится, очень хорошо знает, для кого в реальной России патриотическое воспитание, духовные скрепы, православная культура и традиционные ценности, а для кого – миллиарды долларов, недвижимость за рубежом и т. д.

Что касается Некрича, то он постепенно перешёл на темы английской внешней политики новейшего времени к анализу глубоко волновавшего его события – начала Великой Отечественной войны. Характерно, что книга «1941. 22 июня» вышла в издательстве «Наука» в 1965 г., когда отмечалось 20-летие Победы, и когда прослеживаются истоки формирования в идеологии т. н. «культы победы» с внедрением его в массовое сознание. В воспоминаниях Некрича «Отрешись от страха» подробно рассказывалось о том, как развивалась правка текста книги, которая проходила «пять цензур»: Главлита, военной, ГРУ, КГБ, МИДа, наконец, согласовывалась в ЦК КПСС [Некрич 1979: 215]. Книга, которая основывалась не только на документальных источниках, но и на воспоминаниях, в т. ч. Маршала Советского Союза

Ф.И. Голикова, возглавлявшего накануне войны военную разведку, была встречена обществом с большим интересом. И в ходе обсуждения в т.ч. в ИМЛ при ЦК КПСС в 1966 г., в выступлениях преобладала положительная оценка этого труда. Тем не менее, Некрич был обвинён вышестоящими структурами в необъективности, в недостатке внимания к советским документам, в преобладании мемуарных источников, поскольку в то время в советской исторической мысли мемуары считались источником с очень относительной достоверностью в смысле их внутреннего содержания. Это обернулось исключением его в 1967 г. из партии, созданием в ИВИ АН СССР невыносимых условий для работы и вынужденной эмиграцией в 1976 г.

Упомянутая его книга «Наказанные народы» вышла в свет в Нью-Йорке в 1978 г. Затронутая в ней тема была по существу «фигурой умолчания» в советский период, несмотря на реабилитацию репрессированных народов и восстановление их автономии при Н.С. Хрущеве (не всех!). Между тем, в условиях нарастающего системного кризиса Советского государства этот вопрос для подвергавшихся репрессиям народов становился все более актуальным. Замалчивание ужасов депортации не могло привести ни к чему хорошему, что и показала в 90-х годах длительная война в Чеченской Республике. Исследование было предельно объективным. Во всяком случае, Некрич глубоко сочувствовал несправедливо депортированным по этническому признаку людям, осуждал решительно то, что сейчас называется этнической чисткой, которую проводило в то время Советское государство. Но он стремился досконально разобраться в том, что предшествовало столь жестоким действиям советских властей, как из представителей этих народов формировались силы, помогавшие немецко-фашистским захватчикам, из-за которых пострадал народ. Во всяком случае, эта книга учитывалась отечественными исследователями этой проблемы, которые стали более активно заниматься ей в ранний период после падения советского режима.

Конечно же, наиболее известной книгой Некрича после его эмиграции стала «Утопия у власти» в двух томах, написанная им совместно с М.Я. Геллером. Книга получила широкую известность в России после 1991 г. Помимо богатой исторической основы, книга привлекала необычным для советского читателя пониманием утопии. Традиционно в советском обществоведческом дискурсе разделялась утопия и наука. При этом говорилось, что до К. Маркса и Ф. Энгельса социалистическая идея появилась как утопия, и только основоположники марксизма превратили её в науку. Доказательством её научности считалось практическое осуществление построения социализма в СССР. Вера в эту метатеорию, по существу на религиозном уровне, держалась в определённой части партийной советской элиты долго. Во всяком случае, она была у Н.С. Хрущева, при котором была принята третья Программа КПСС. В ней говорилось о построении материально-технической базы коммунизма к 1980 г. После Хрущева эта вера угасала на глазах, о ней вспоминали как бы по инерции, к большим советским праздникам, и по существу партийная верхушка не знала, что с ней делать. Когда стало ясно, что коммунизма к 1980 г. не будет, стал вопрос, чем можно эту идею заменить, и придумали концепцию развитого социализма, за которой на самом деле не стояло какой-либо реальности. С концом веры в построение коммунизма исчезало понятие о реальности научного коммунизма, а в качестве утопии стал пониматься не только утопический социализм, но и то, что называлось научным коммунизмом. В книге Некрича и Геллера советский социализм прямо назван утопией. Авторы на большом фактическом материале показали, какие жертвы вынужден был принести народ за попытку большевиков, а затем КПСС настойчиво проводить эту идею в реальность. Авторы делали итоговый вывод: «История Советского Союза – это история общества и государства, поработённых партией, это история государства, поработившего общество, это история партии, овладевшей государством для создания такого типа человека, который позволил бы ей вечно сохранять Власть, это история Со-

противления Человека» [Геллер Некрич 1982: 491]. Эти слова сохраняют исключительную актуальность. Что изменилось в наше время? Разве что партия ушла в прошлое, «правлящая» партия наших дней – нелепая карикатура на КПСС. И слово «партия» Некрича и Геллера легко заменяется словом «диктатура», единовластие одного несменяемого лица в течение десятков лет, обуеваемого столь же нелепой идеей сверхдержавности отсталой страны.

Таким образом, в рамках одного типа мыслителей–гуманитариев в советском обществе начиная с послевоенного времени Некрич имел ещё одно отличие от Альшица, которое было ещё более серьёзным, чем другие. Некрич не был шестидесятником. Он отрешился не только от страха, о чем он писал в свих воспоминаниях. Он отрешился также от своей прежней веры в коммунистическую идею, которую ещё в период вступления своего в ВКП(б) он, несомненно, имел. Не совпадает хронология их протеста. У Альшица она проявлялась с конца 40-х годов, что ускорило его арест. Имела место она и после освобождения, что проявилось в его писательской деятельности. Но в 1965 г. он уже участвовал в критике книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве», относившего появление произведения к концу XVIII в. За последнее время, конечно, признаны доказательства филолога А.А. Зализняка, согласно которым «Слово» - произведение средневековое. В ходе дискуссии 1965 г. Альшиц высказывал по существу правильную точку зрения, относя «Слово» к началу XIII в. Другое дело, что труд Зимины не был опубликован. И среди противников Зимины, с которыми Альшиц невольно оказался вместе, был открытый реакционер, археолог и историк академик Б.А. Рыбаков. Тем не менее, и после 1965 г. своё отвращение к сталинской диктатуре Альшиц сохранил и выразил её в своих воспоминаниях «Хорошо посидели». Что касается Некрича, то у него расхождения с режимом прослеживаются с 1965 г., когда была опубликована его книга о начале войны. В дальнейшем же они только усилились, что и привело его к окончательному разрыву с государством и к вынужденной эмиграции.

Протестующие интеллектуалы: краткие итоги

А.М. Некрич скончался в 1993 г. в Бостоне, Д.Н. Альшиц – в 2012 г. в Петербурге. Оба историка были не только выдающимися учёными и смелыми мыслителями. В их жизни и научной деятельности проявилось своеобразное выражение типа протестующего интеллектуала, при всех своих немалых различиях решительно не принимающих диктаторского мироустройства и боровшихся с ним в силу своих возможностей. Нашему современнику они интересны не только своими произведениями, не менее интересен их жизненный путь, путь отрешившейся от страха личности, полной внутреннего достоинства. К сожалению, в складывающейся общественно-политической ситуации в нашей стране исследование моделей поведения этих учёных по отношению к режиму получает не только академический интерес. В этих моделях концентрируется опыт поведения учёного в условиях, неблагоприятных для научной и общественной деятельности, который может оказаться востребованным.

Альшиц Д.Н. 1949. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. – *Исторический архив*. – М.; Л. Вып. 4. – С.3-71.

Аль Д. 2007. *Шаги истории России из прошлого в будущее*. – СПб.: Наука. – 370 с.

Восленский М.С. 1991. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. – М.: Советская Россия совм. с МП Октябрь. – 624 с.

- Геллер М., Некрич А. 2000. *Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней*. В 2 т. – Л.: ОРИ. Т. 2. – 554 с.
- Джилас М. 1961. *Новый класс*. – Нью-Йорк: Изд-во Фредерик А. Прегер. – 247 с.
- Красинский Г. 1947. Покорение Сибири и Иван Грозный. – *Вопросы истории*. – № 3. – С. 80–99.
- Макаренко В.П. 2019. Бюрократия и сталинизм. – Макаренко В.П. *Собр. соч. в 3 т.* – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ. – Т. 2. – С. 17–430.
- Некрич А.М. 1979. *Отрешись от страха*. – Л.: ОРИ. – 415 с.
- Савчук В.С. 2020. *Память историка и судьбы интеллектуалов: исследования, эссе, воспоминания*. – М.: Аквилон. – 632 с., ил.
- Салтыков-Щедрин М.Е. 1969. Сила событий. – Салтыков-Щедрин М.К. *Собр. соч. в 20 т.* – М.: Художественная литература. – Т. 7. – С. 162–183.